

УДК 94(430).053

В статье производится анализ немецкой политической лирики 1770–1780-х гг. с целью реконструкции содержащихся в ней представлений о состоянии и перспективах развития немецкого общества того времени. Последовательно рассматриваются оценки роли и места крупнейших социальных групп в механизме его функционирования. Делается вывод о кризисном восприятии авторами положения дел в немецком обществе и их осознании необходимости разрешения накопленных в нём противоречий.

Ключевые слова: немецкая политическая лирика; история Германии; XVIII век.

The article analyses German political poetry in 1770s–1780s in order to reconstruct the attitude of its authors to the German society's state and its development prospects. Their assessments of the largest German social groups are sequentially considered. The article concludes that the German society as it is presented in the political poetry is in crisis and needs the structural transformation.

Key words: German political poetry; German history; XVIII century.

С. И. Голубев

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
E-mail: ir_golubev@list.ru*

Немецкое общество накануне Французской революции в отражении немецкой политической лирики 1770–1780-х гг.

Научная статья

S. I. Golubev

*M. V. Lomonosov Moscow State University
E-mail: ir_golubev@list.ru*

German Society on the Eve of the French Revolution in 1770s–1780s German Political Poetry

Scientific article

Немецкое общество в период с окончания Семилетней войны до начала Французской революции характеризовалось, с одной стороны, внешней устойчивостью, а с другой – постепенным нарастанием внутреннего напряжения. Основы его устройства подвергались всё более усиливающейся общественной критике [1, s. 291–302]. Одним из главных выразителей тенденции была немецкая политическая лирика 1770–1780-х гг. Ее анализ с точки зрения реконструкции воспроизводимой в ней «социальной реальности» является целью настоящей статьи.

В центре внимания находится политическая лирика таких идейно близких друг другу авторов, как И. Г. Фосс (1751–1826), К. Ф. Д. Шубарт (1739–1792), Г. А. Бюргер (1747–1794), И. П. Уз (1720–1796) и М. Клаудиус (1740–1815). По своему социальному происхождению все они принадлежали к так называемому «образованному

© Голубев С. И., 2015

бюргерству» («Bildungsbürgertum»), поэтому их оценки могут до известной степени рассматриваться как «коллективный» взгляд представителей данной социальной группы на современное им немецкое общество.

В первую очередь следует обратиться к анализу оценок авторов в отношении высшего социального слоя немецкого общества того времени – знати. В политической лирике постулировалось отсутствие общественной пользы от представителей высшего света. Знать не ставила перед собой цель заботы об «общем благе», представления о приумножении которого как об основном смысле деятельности правителей и их приближённых получили в то время широкое распространение, ей «были известны / лишь балы да маскарады» [2, s. 207].

Важной характеристикой немецкой знати был её подчеркнутый космополитизм. Она противо-

поставляла себя остальному населению немецких земель и не связывала свою судьбу с ним, что ярко показал Шубарт в образе немецкого дворянина, утверждавшего [3, с. 45]: «Отечество? Ха-ха! Ха-ха!.. / Моё отечество – весь мир». В принципиальном вопросе ассоциации человека со своей страной определяющим для героя был критерий его собственной выгоды: «Где почести и пища, там / моё отечество!»

Такая позиция знати дополнялась нарастающей культурной пропастью между ней и народом. Дворянство всё менее оставалось «немецким» и всё более становилось интернациональным, «французским», что демонстрирует пародийное стихотворение Шубарта «Милостивая госпожа» [4, s. 162–164], опубликованное в ответ на известное стихотворение Ф. Г. Клопштока о немецкой девушке. Положительному образу девушки из народа, привлекающей простотой и всей душой переживающей за «немецкое отечество», противопоставлялся отрицательный образ придворной дамы, «с чёрными глазами и диким взглядом», «вскормлённой галльским духом» и сделавшей «своим божеством / лионские румяна и парики».

Данные оценки приводили авторов к переоценке самого понятия «знатность»: статус, по их мнению, не являлся более собственностью какого-либо социального слоя, а был следствием наличия отдельным человеком определённых личных качеств. М. Клаудис утверждает, что «знатность среди людей определяется благородным образом мысли», дополняя это сатирической припиской: «Нашей знати это тоже касается». Гордость знати древностью своего происхождения переосмысливается в негативном свете. Г. А. Бюргер в диалоге дворянина и крестьянина показывает, что «высокое имя» и «старинный род», которыми хвалятся первый, оказываются в глазах последнего недостатком, поскольку «старое семя часто вырождается» [5, s. 244].

Проанализировав оценки роли в немецком обществе господствующего слоя – знати, необходимо теперь рассмотреть отношение авторов к крестьянству – группе, стоящей на нижней ступени социальной лестницы.

Изображение крестьянства основывается на использовании фигуры «немецкого Михеля» – традиционного образа, с начала XVI века антропоморфно символизирующего Германию [6]. Тот факт, что именно в крестьянстве «Михель»

находит своё социальное выражение, сам по себе весьма показателен: в изучаемой политической лирике крестьяне таким образом предстают в роли «типичных немцев».

Жизнь крестьян описывалась как состояние гармонии человека и природы. Сельские обыватели являлись каждодневными свидетелями вечного круга природных превращений, наблюдая, «как весеннее солнце и дожди обновляют... леса и нивы, / как расцветают... садовые деревья... / [и] как шумит голубой поток» [7, s. 261]. Ритм их жизни «естественен», что в данном случае фактически служит критерием его «правильности». «Нет человека, счастливее меня!» – восклицает Михель [6, s. 452]. Горожанам же, «заточённым в городе, будто в глухой темнице», даётся совет «бежать в деревню» [7, s. 262].

Идиллию крестьянской жизни нарушало только одно: наличие крепостной зависимости. В программном стихотворении Бюргера «Крестьянин своему светлейшему тирану» [5, s. 55–56] демонстрируется бесправность крестьян: господин может их «побить», «переехать каретой», «натравить охотничьих собак» и т. п. Недоумение вызывает у лирического героя сам факт того, что он что-то «должен» своему помещику: поскольку сам «князь с плугом в руке... / в дни сбора урожая не пахал», он не имеет права на результаты труда крестьянина. Другой пример «несправедливости» социально-экономических отношений в деревне демонстрируется в стихотворении Фосса «Крепостные» [7, s. 73–78]: юнкер требует от своего крестьянина Михеля сто талеров за разрешение на женитьбу, обещая при этом даровать вольную, но впоследствии обманывает его. В отчаянии Михель решается сжечь помещичий дом, но, вспомнив про христианское благочестие, не совершает зло. Не найдя выхода, крестьяне закуривают и смиряются со своей участью.

Данный финал является показательным: крестьянство, по мнению авторов, было неспособно выдвинуть или просто поддержать требования социально-экономических и политических перемен, что ярко показано в стихотворении Шубарта «Золотое время» [2, s. 204]. Молодой крестьянин-подросток вычитал в книге о существовании в прошлом веке всеобщего изобилия, отец попытался разубедить его, утверждая, что в этом случае вся земля принадлежала бы князю, а им ничего бы не досталось, «ведь если король сам мог

обработать себе землю, / предоставил бы он» крестьянам «хоть местечко на пашне?». Сын возразил, что, возможно, «тогда не было *господина*» и они «все были *равны*», но отец это категорически отверг и дал ему совет, который выражает позицию крестьянства в целом: «Лучше спокойно имей свой кусок хлеба, труд подсластит его, / поэтому брось свою глупую древность, / и оставь мир, *какой он есть!*». Крестьянство, таким образом, оказывается не в состоянии стать активно действующей социальной силой.

Среди социальных групп, описываемых рассматриваемыми авторами, обращает на себя внимание постоянное упоминание так называемых «патриотов». Эта группа не получает в текстах четкой социальной дефиниции, но имеет вполне определённые характеристики.

«Патриот» – своеобразный идеальный положительный герой своего времени. Для Шубарта это «мудрый человек, пользующийся своими дарованиями» [2, s. 225], для Фосса он – «сын Германа, честен, благороден, добр» [7, s. 175]. «Патриот» осознаёт несовершенство мира и активно работает над улучшением жизни людей в нём. Он, «часто не признанный людьми», «всего себя дарит отечеству», «чувствует его страдания» и «думает о его величии» [8, s. 173]. Патриот «много действует в тиши и, не требуя громкой славы, довольствуется внутренним вознаграждением» [2, s. 225].

Именно «патриоты» составляют залог успешности «отечества» [8, s. 175]: «Счастье жителей цветёт лишь с государством, / а государства цветут лишь благодаря патриотам». Предпочитая действовать без обращения на себя внимания, они тем не менее могут «выйти из тени», в случае если государство в лице правителя, основных его приближённых и институтов пренебрегают своей обязанностью служения населению. В этом случае «мучители народа своей тиранией могут заставить [патриота] / размахивать блестящим мечом свободы» [2, s. 225]. Так «патриот» из фигуры моральной превращается в фигуру политическую, с которой поэты связывают

надежду на разрешение существующих в немецком обществе проблем.

Рассмотренные оценки авторов свидетельствуют о сложившемся, по их мнению, дисбалансе между общественным весом и реальным вкладом в жизнь немецкого общества каждого из его основных социальных слоёв. Знать представала политически несостоятельной и культурно оторванной от остального населения немецких земель. Крестьянство виделось как социальная группа, в наиболее чистом виде сохранившая исконно «немецкую» идентичность, но неспособная на этом основании «освободить» себя и выступить в авангарде справедливого переустройства немецкого общества. Последняя задача отводилась «патриотам» – особому моральному типу личностей, приверженных принципам служения «отечеству» и обязанных защитить его и население от «тирании» государственной власти и господствующих социальных слоёв. Следует констатировать, таким образом, что в политической лирике 1770–1780-х гг. немецкое общество представало как организм, имеющий серьёзные внутренние противоречия и нуждающийся в структурных изменениях.

Ссылки

1. Schmidt G. Wandel durch Vernunft. Deutsche Geschichte im 18. Jahrhundert. München, 2009. 509 S.
2. Schubart C. F. D. Sämtliche Gedichte. Leipzig, 1884. 488 S.
3. Немецкие демократы XVIII в. Шубарт, Форстер, Зейме. М., 1956. 661 с.
4. Deutsche Chronik. Eine Auswahl aus den Jahren 1774–1777, 1787–1791. Leipzig, 1988. 439 S.
5. Bürger G. A. Gedichte. Göttingen, 1789. 302 S.
6. Szarota T. Der deutsche Michel: die Geschichte eines nationalen Symbols und Autostereotyps. Osnabrück, 1998. 421 S.
7. Der Göttinger Dichterbund. Bd. 1. Hrsg. v. A. Sauer. Stuttgart, 1974. 363 S.
8. Uz J. P. Sämtliche poetische Werke. Hrsg. v. A. Sauer. Stuttgart, 1890. 422 S.